

Когда Чжан Сяовэй погрузился в воспоминания и уже не мог вынырнуть из них, он почувствовал, как кто-то легко похлопал его по плечу.

Он повернул голову и увидел крепкого, рослого крестьянина, который держал в руке блинчик, покачивал им перед ним, обнажая ряд пожелтевших зубов, и глупо ухмылялся.

Чжан Сяовэй посмотрел на время и понял, что уже настало время ужина.

Чжан Сяовэй не хотел брать этот блинчик не из-за черноватых ручищ этого дядьки, а потому что мама строго-настрого наказывала ему: в поездах нельзя брать ничего у незнакомцев. Но, увидев этот полный неподдельного простодушия и доброжелательности взгляд, Чжан Сяовэй понял, что не сможет отказаться. Он достал из сумки маленький кекс и поделился им с двумя дядьками-гастарбайтерами.

Оба приняли протянутые Чжан Сяовэем кексы, а крепкий крестьянин понюхал угощение у самого носа, затем осторожно достал нейлоновый пакет и спрятал кекс внутрь.

Чжан Сяовэй снял наушники и с удивлением спросил:

— Дядька, почему вы не едите?

Крестьянин простодушно улыбнулся:

— Дочка любит такое, оставлю ей.

У Чжан Сяовэя сжалось сердце: даже такую крошечную сладость отец пожалел съесть сам и бережет для дочки. У нее такой отец... Пускай девочка и не живет в роскоши, можно не сомневаться, что жизнь ее сладка.

Чжан Сяовэй взял свой блинчик и принялся за еду, откусывая огромные куски. Он знал, что у человека с такими помыслами просто не может быть злых умыслов.

Блинчик пролежал в нейлоновом пакете довольно долго, и Чжан Сяовэй почувствовал легкую кислинку, но всё равно упорно доел его до конца.

Не ради чего-то особенного — просто это было проявление отцовской заботы, поэтому он непременно должен был ее принять.

Чжан Сяовэй хотел перекинуться парой слов с двумя дядьками, но, к сожалению, из-за своего характера он скорее скажет половину фразы, чем произнесет лишнее слово.

К тому же Чжан Сяовэй видел, что оба дядьки тоже не великие мастера поговорить, так что ему пришлось оставить эту затею.

Он снова надел наушники, отвернулся к окну и принялся смотреть, как сгущаются сумерки.

Даже несмотря на небольшую неприятность, случившуюся в вагоне, Чжан Сяовэй считал поездку вполне стоящей.

Изначально он хотел купить плацкарт, но, к сожалению, билетов не осталось — ему сказали, что есть только сидячие. Отец упорно настаивал, чтобы он летел в Чанша самолетом, но Чжан Сяовэй решительно отказался.

Он знал, что их семья не отличается богатством: в его детстве отец вел дела, раз за разом терпя неудачу, и накопил немало долгов.

Самолет, конечно, сэкономил время и силы, но билеты продавались без скидок. А он уже получил студенческий билет и по сидячему билету мог получить пятипроцентную скидку — почему бы и не воспользоваться этим?

Разумеется, он не говорил отцу, что покупает сидячее место из желания сэкономить. Отцу он объяснил это тем, что поездка на поезде позволяет всю дорогу любоваться пейзажами и встречать самых разных людей, что расширяет кругозор.

Отец же возражал, что в поездах всегда полно народу и разных слухов, да к тому же Чжан Сяовэй никогда раньше не уезжал так далеко, так что волнения матери вполне понятны, а ехать больше десятка часов — это сущее мучение.

Каждый оставался при своем мнении, и в конце концов пришлось испрашивать решения мамы.

Чжан Сяовэй оказался хитрее: он заранее исподволь обработал маму. В итоге со счетом два против одного он одержал победу над отцом!

С тех пор как Чжан Сяовэй подрос, в их семье царила куда большая демократия. Принимая важные решения, родители всегда спрашивали его мнения, а Чжан Сяовэй взвешивал все за и против и высказывал свои соображения.

Больше всего Чжан Сяовэю запомнился один случай из средних классов школы, когда в деревне за бесценок распродавали креветочные пруды. В то время разведение креветок переживало глубокий кризис — кто ни брался, тот терпел убытки, и никто в деревне не смел и пробовать. Около тридцати му креветочных прудов так и пустовали, и в те дни деревенский староста — отец Чжан Чжи — постарел от забот сильнее прежнего.

Мама Чжан Сяовэя была председателем женского совета деревни. Вернувшись как-то раз с деревенского собрания, она за семейным ужином высказала мысль взять в аренду несколько му креветочных прудов, якобы в ответ на призыв старосты. Поскольку один му стоил всего две-три тысячи, мама считала, что пусть их семья и небогата, но несколько му они потянут

смогут.

Однако отец решительно отверг эту идею, и его доводы звучали вполне убедительно. Он полагал, что брать креветочные пруды в аренду — это всё равно что бросать деньги на ветер. Забрать пруды домой, чтобы разводить креветок? Снова убытки. Оставить их пустовать — жалко. Люди сейчас стараются побыстрее избавиться от них, а тут — брать в аренду! Эти деньги уйдут как мятый пирожок на корм собаке — и пропадут навсегда. Поэтому отец был категорически против.

Чжан Сяовэй со школьных лет любил читать газеты, поэтому на переменках всегда заглядывал в комнату вахтера почитать прессу на пару минут. Со временем он сдружился со старым вахтером, и тот теперь всегда оставлял газеты для него, даже если в какой-то день Чжан Сяовэй не заходил.

Однажды Чжан Сяовэй прочитал в газете, что вектор развития Циндао направлен на восток, к тому же в районе Хуандао многие креветочные пруды были изъяты для нужд города, а компенсация за них оказалась весьма высокой. Сопоставив это с переменами в их поселке за последние два года, где повсюду начали расти новые жилые кварталы, Чжан Сяовэй интуитивно почувствовал, что это может быть прекрасной возможностью. Он изложил свои соображения родителям, объяснив, что у тех креветочных прудов отличное географическое положение и если там соберутся прокладывать дороги или возводить что-то еще, их непременно изымут.

В конце концов отец для вида арендовал четыре му креветочных пруда сроком на тридцать лет.

И действительно, когда Чжан Сяовэй учился в старших классах, этот участок земли был изъят государством под застройку, и семье Чжан Сяовэя выплатили компенсацию ровно в миллион юаней. Эти деньги как раз помогли полностью закрыть те огромные долги, в которые отец Чжан Сяовэя влез из-за неудачного бизнеса. Отец был на седьмом небе от счастья: он тискал Чжан Сяовэя и целовал его без конца, постоянно коря себя за то, что они не взяли в аренду больше му. Это происшествие сразу подняло авторитет Чжан Сяовэя в семье на несколько ступеней.

Сам же Чжан Сяовэй остался совершенно невозмутим и сказал отцу:

— Богатство само находит человека куда проще, чем человек — богатство.

Услышав такие не по возрасту зрелые рассуждения из уст еще по-детски наивного Чжан Сяовэя, отец немного изумился. Отец посчитал, что столь маленькому ребенку не стоит тратить силы на всякую чепуху из сомнительных книг, и конфисковал все те тоненькие книжонки по гаданию по И Цзин, которые Чжан Сяовэй накупил на развалах, заполнив его книжную полку комиксами, к которым Чжан Сяовэй даже обертку не притронулся!

Под мягкое объявление проводницы поезд с грохотом остановился. Это вернуло Чжан Сяовэя из воспоминаний в реальность. Выглянув в окно, он понял, что они уже прибыли в Сюйчжоу. Судя по маршруту, они проехали ровно половину пути.

Чжан Сяовэй поднялся, разминая затекшую шею и онемевший зад. Он хотел выйти в туалет, но, заметив, что двое сидевших на полу крестьян уткнулись головами в колени и крепко спят, побоялся их потревожить и тихонько сел обратно.

Пошарив в кармане брюк, он достал новенький телефон и увидел несколько пропущенных вызовов: два от мамы с папой, а остальные — от Чжан Чжи. Он всё еще не привык пользоваться мобильником, считая звонок слишком громким, поэтому аппарат всегда стоял на беззвучном режиме, и в поезде он его тоже не переключал.

Взглянув на часы — было десять вечера, — Чжан Сяовэй знал, что отец наверняка еще не спит, и набрал родительский номер.

— Алло, сынок, почему не отвечал на звонки? Мама так волнуется, что уснуть не может.

Ясное дело, ты сам волновался сильнее всех, а сваливаешь на маму. Чжан Сяовэй сразу раскусил хитрость отца.

— Да я в порядке, уже доехали до Сюйчжоу. Позвоню, как прибудем в Чанша, не переживайте.

— Ну ладно, тогда мы спать. Я положил тебе в чемодан плед, в поезде холодно, накинь его на плечи.

Отец всё-таки самый заботливый, хоть с виду и такой неотесанный. Чжан Сяовэй улыбнулся во весь рот.

Увидев длинную цепочку знакомых цифр, он на мгновение замер в нерешительности. Подумав немного, он отправил Чжан Чжи короткое сообщение: «Спишь?» Прошло едва ли секунд тридцать, как телефон разразился звонком от Чжан Чжи.

Чжан Сяовэй глубоко вздохнул, нажал кнопку ответа и отнес трубку на метр от уха.

— Какого черта с твоим телефоном?! Сколько раз звонил — никто не берет! Тебе же русским языком говорили: не ставь беззвучный режим, сколько можно повторять, ну почему ты вечно такой бестолковый, неужели не понимаешь, как ты меня бесишь, неужели не понимаешь, как все переживают! Если ты вот так поедешь в Чанша, кто за тебя не будет трепать нервы?!

Чжан Чжи всегда так кричал на него из-за переживаний, и Чжан Сяовэйю это даже нравилось. Пусть друг и продолжал ворчать, на душе у Чжан Сяовэя было радостно и тепло.

— Да ответь ты хоть что-нибудь! — голос Чжан Чжи на другом конце провода взлетел еще на полтона.

— Ты же сам не переставая болтаешь, когда мне было вставить слово? — Чжан Сяовэй едва сдерживал улыбку.

— А, ну да... Ты куда уже доехал?

Услышав, что голос Чжан Чжи вернулся в норму, Чжан Сяовэй медленно приблизил телефон к уху.

— Сюйчжоу.

— Ага, я так и прикидывал. Ну как впечатления от дороги?

— Ты что, обо мне беспокоишься? — чуть заметно поддразнил его Чжан Сяовэй.

— Черт с тобой, еще чего! Стану я о тебе беспокоиться, вот попадись ты в поезде торговцам людьми, чтоб тебя!

— Язык... у тебя... без... костей, — по слогам выговорил Чжан Сяовэй.

— Да ладно тебе... Кстати, мы с ней и правда расстались, — голос Чжан Чжи немного погрузнел.

— У тебя что, старческий маразм раньше времени начался? Ты мне это уже третий раз за вечер говоришь, к тому же какое мне дело до того, расстались вы или нет? — Чжан Сяовэй слегка сердито фыркнул.

— Да всё из-за тебя! Если бы не ты сосватал мне эту девчонку, разве было бы столько головной боли? — услышав сердитые нотки в голосе Чжан Сяовэй, Чжан Чжи сразу смягчил тон.

— Получается, я со всей душой, а вышло как будто свинью подложил? — хоть Чжан Сяовэй и был немногословен, спуску никому давать не собирался.

— Ой, брось ты. Опять за свое! На Новый год вернешься домой — привези мне невестку, — ухмыльнулся в трубку Чжан Чжи.

— Думаешь, я как ты — дня прожить не могу без бабы? Я устал, вешаю трубку, — Чжан Сяовэй сладко зевнул.

— Какое там спать! Без тебя мне и жизнь не мила. Ты уехал всего пару часов назад, а я уже места себе не нахожу.

— Не мели чушь, давай до связи.

— Ну ладно, береги себя. Как доберешься до Чанша — чиркни мне.

— Ладно-ладно, — игнорируя серьезность момента, ответил Чжан Сяовэй.

— Хэ-хэ, свободен!

Чжан Сяовэй и правда чувствовал себя по-настоящему легко и непринужденно только рядом с Чжан Чжи.

С ним он мог дурачиться без всяких задних мыслей, точно зная, что тот никогда на него не сердится.

Вспомнив, с каким унылым видом друг говорил о своем расставании, Чжан Сяовэй почувствовал легкие упрёки совести.

На самом деле он поступил так не со зла. Он вовсе не хотел сводить его с той девушкой — ведь кто добровольно отдаст самое дорогое в чужие руки?

<http://bllate.org/book/21931/2278616>